

Метод для безумия; революционный метод Делёза и Гваттари

Эндрю Калп

*Профессор Калифорнийского института искусств,
школа критических исследований*

24700 McBean Parkway, Valencia, California, USA 91355

E-mail: aculp@calarts.edu

Метод для безумия: революционный марксистский метод Делёза и Гваттари

Аннотация

В своей статье Эндрю Калп демонстрирует, как Жиль Делёз и Феликс Гваттари переворачивают марксизм с ног на голову.

Опираясь на марксово разделение в «Капитале» между диалектическим способом изложения и научным способом

исследования, он разбирает предисловия и послесловия к этой книге, а также работы марксистских феминисток об ее сенсационном стиле. В итоге автор утверждает, что главный вклад Делёза и Гваттари в марксизм — методологический. Наиболее ярко он выражен в их критической и клинической антропологии, очерчивающей универсальную историю капитализма (основные моменты которой Калп выделяет в прилагаемой таблице). Результат, по мнению автора, освобождает образ радикальных перемен от диалектики, либеральной демократии, рынков или производства как двигателей революции. На их место он ставит новую критику политической экономики, основанную на разрушении самой экономики через революцию внешнего.

Ключевые слова

марксизм, Делёз и Гваттари, феминизм, антропология, революция

Введение

Чаще всего Делёза и Гваттари как политических мыслителей относят к «философии после 1968 года». Что это значит? «1968 год» в широком историческом смысле — это год глобальных протестов, волнений и революций. Этот маркер используется для периодизации ряда политических, социальных и интеллектуальных традиций. Начало года было объято пламенем: расовые беспорядки «Длинного, жаркого лета» 1967 года и «Лета любви» перетекли в «наступление месяца Тет» во Вьетнаме. К марту и апрелю начались протесты, многие из которых до конца года успели трансформироваться в открытые бунты или даже революции с очагами в Мексике, Сенегале, Италии, Чехословакии, США и ряде других стран. Во Франции студенческие оккупации в рамках «Движения 22 марта» перешли в общенациональную забастовку, сопровождавшуюся уличными боями стенка на стенку, которые не утихали шесть недель. В общем, 1968 год изменил мир.

Период 1960-х был поворотной точкой и для марксизма. По мнению Фредерика Джеймисона, в этом историческом отрезке «коренное население» стран третьего мира «стало людьми» в глазах их эксплуататоров вместе с субъектами первого мира, которые ранее

расценивались как исключенные («меньшинства, маргиналы и женщины»). Этот процесс вызвал кризис системы сложившихся категорий и обеспечил почву для возникновения новых марксизмов (Jameson 1984: 178–86). Совершенно новые формации, появившиеся в то время, озадачили бы Маркса, который просто не мог предсказать расцвет маоизма, ситуационизма или движения «Черных пантер». Именно поэтому марксизм должен рассматриваться в качестве живой традиции, а не просто как последовательное прояснение трудов гениального мыслителя. Только работа множества авторов позволяет марксизму не утратить своей значимости. Всегда найдутся последователи, утверждающие, что «Маркс был прав (во всем)», однако повороты и завихрения капитализма постоянно требуют изобретать новые подходы в рамках критики политической экономии, порой несовместимые друг с другом. Необходимость разработки этих дополнительных подходов связана с еще одним (и даже более фундаментальным) пробелом в работах Маркса — отсутствием всеобъемлющей теории политики. Маркс оставляет этот вопрос открытым, работая исключительно в сфере практического знания, выраженного в историческом анализе, журналистике, письмах и публичных высказываниях на злобу дня.

Можно задаться вопросом: «Капитализм и шизофрения» Делёза и Гваттари — это обновление Маркса (для поколения 1968 года), новая политика («для нового народа») или что-то еще? Похожий вопрос Антонио Негри задал Делёзу в интервью (1990) — во время (эпоху?), когда многие представители «философии после 1968 года» отвернулись от марксизма. Делёз уклоняется от ответа, ссылаясь на события мая 1968 года. Негри, в свою очередь, не отступает, и в итоге Делёз определяет эти события как «демонстрацию, извержение, становление в чистом виде», революционного толка (Deleuze, Negri 1995: 169–71). Почему конкретно эти события были революционными, в последствии прояснил Гваттари в другом интервью — они исключили саму возможность отделения тягот рабочих на фабриках от больных в медицинских учреждениях и студентов в университетах (и других) (Guattari 2009: 143). Если пространство борьбы больше не ограничено фабрикой, тогда почему Делёз и Гваттари все-таки остаются марксистами? Делёз отвечает на это так: «Я думаю, мы с Феликсом Гваттари остаемся марксистами, каждый по-своему», потому что «мы считаем, что всякая политическая философия должна заниматься анализом капитализма и путей его развития» (Deleuze, Negri 1995: 171). С точки зрения Делёза, таким образом, оставаться марксистом значит выполнять минимальное требование: удерживать капитализм в качестве ключевого компонента в трансцендентальном исследовании условий возникновения чего угодно. Гваттари говорит, что этот подход используется марксизмом «не для того, чтобы

узнать, как можно улучшить ситуацию в концентрационных лагерях, но какой процесс привел к их появлению».

В беседе с Негри Делёз также указывает на три основных направления «Тысячи плато», каждое из которых разрабатывает марксистскую проблематику (Deleuze, Negri 1995: 171–72). Во-первых, общество определяется своими линиями ускользания (а не марксистскими противоречиями). Во-вторых, революционный субъект принадлежит меньшинствам (а не марксистским классам). В-третьих, революционная политика основывается на движениях, которые заполняют, захватывают, извергают новые пространственно-временные континуумы (в отличие от марксистских производительных сил). Подобные громогласные заявления настолько еретичны, что способны заставить краснеть любых, даже самых экуменических марксистов. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что каждое из этих направлений связано с основными проблемными местами марксизма. Во-первых, что означает для марксизма закреплённость его философского наследия в мысли Гегеля? Во-вторых, несмотря на то, что промышленный пролетариат олицетворяет капиталистическую эксплуатацию, что способно сделать его субъектом революции? В-третьих, действительно ли только производительные силы экономики ответственны за создание условий для революции?

Осмысление «Капитала»

Рассмотрим подход к «Капиталу» Анн Цветкович. Она утверждает, что его можно прочесть в рамках жанра викторианского сенсационного романа — «типичного романа с загадкой», в котором загадка является не просто «структурообразующим принципом» сюжета, но также «его истоком и предметом» (Cvetkovich 1992; Rykett 2011: 4–5, 14).¹ Эти романы обрели популярность одновременно за их сенсационное содержание, полное обвинений среднего класса в попытках усидеть на двух стульях, убийствах, воровстве, фальши и невменяемости (обвинений, которые ранее предъявлялись аристократии) и за жесткую критику, которую они получали. «Капитал» отлично вписывается в рамки этого жанра — он полон загадочности, таинственности и насилия. Аллегорическая загадка, которую Цветкович находит в сенсационной книге Маркса, связывает две вещи: мелодраматическое описание процесса эксплуатации тела рабочего и хронику на-

¹ Другое прочтение «Капитала» как примера викторианской художественной литературы — «О викторианском романе Маркса» Анны Корнбл (2010) — указывает на важность использования текстовых стратегий, проясняющих использование Марксом приемов персонификации и металеписа.

сия, сфокусированную на загадочности производства (а также мимолетные описания быта, которые Леопольдина Фортунати позднее назовет «мистерией воспроизводства») (Fortunati 1996).

«Капитал» можно прочесть как детективный роман, усыпанный мертвыми телами. Ключ к разгадке содержится в первой главе — это товар, излучающий мистическую ауру. Преступление было совершено, но мы не заметим этого, пока не покинем реальность обмена и не войдем в «сокровенные недра» производства. Так Маркс определяет фабрику. Когда появляются переутомленные, уязвимые и угнетенные тела рабочих, мы поддаемся искушению заключить, что это дело рук капиталиста, а жертвой является рабочий. С другой стороны, мы понимаем, что загадочная способность капиталиста извлекать прибыль из продажи товаров связана с производством прибавочной стоимости, которая является результатом работы, а не действий капиталиста. Преступление заключается в том, что капиталист присваивает себе работу. Раскрыть тайну капитализма — тяжелая задача, потому что тела рабочих продолжают исчезать, они замещаются объектами или товарами. Если жертвой является рабочий, он — загадочная жертва, потому что его эксплуатация скрыта за сенсационным шармом денег, капитала и товаров (Cvetkovich 1992: 173).

Маркс раскрывает тайну эксплуатации с помощью понятий прибавочной стоимости, меновой стоимости, потребительной стоимости, первоначального накопления и др. Все они картографируют цепочку производства, а также описывают рабочие условия, в которых «плоть, кровь, нервы и мышцы рабочего дают жизнь системе производства, но сами тела умерщвляются, утомленные и лишённые чувств» (Там же: 183). Как говорит Делёз об абстракции и ощущениях — костями и плотью (2011: 49).

Возможно, сенсационное прочтение ретроспективных чувств самого Маркса относительно «Капитала» позволит сделать похожие открытия относительно его плоти и костей. В предисловиях и послесловии к зарубежным изданиям первого тома можно заметить фрустрацию Маркса, просачивающуюся (проникающую?) на страницы. Он переживает, что первая глава (о тайне товара) читается гораздо труднее, чем весь остальной текст (Маркс 2001с: 56). Французское предисловие похоже на записку частного детектива растерянному клиенту, недовольному отсутствием прогресса (Там же: 56). В нем Маркс отвечает на предложение опубликовать «Капитал» отдельными выпусками — предположительно, это должно было сделать произведение более доступным рабочему классу («а это для меня решающее соображение», — прямо признает Маркс в попытке получить

расположение) (Там же). Маркс отстаивает свою позицию. Он утверждает, что французская публика, «которая жаждет узнать, в какой связи стоят общие принципы с непосредственно волнующими ее вопросами», слишком быстро отбросит «Капитал» в сторону, если перед ней не будет лежать полного тома (Там же). Относительно «очень трудных» первых глав он добавляет: «можно опасаться», что читатели, «которые всегда нетерпеливо стремятся к окончательным выводам», «потеряют интерес», если не смогут сразу же перейти к дальнейшим главам. Цитируя Евклида, он заканчивает письмо призывом к терпению, потому что легких путей не бывает: «в науке нет широкой столбовой дороги» (Там же).

Если французское послесловие — это апология в форме письма, немецкое предисловие — это краткое руководство, наставляющее читателя (Маркс 2001b: 44–47). В нем Маркс гораздо менее «сенсационен». Он сразу предупреждает читателей, рассказывая как пройти через трудности в начале, и протягивает им руку помощи. «Всякое начало трудно», — говорится в одном из первых абзацев, а в данном случае «наибольшие трудности представляет понимание первой главы» (Там же: 44). Далее в предисловии читателям объясняют, как отдельные элементы функционируют в книге — как расценивать ее опору на статистику, как понять, зачем в нее включена историческая часть, как рассматривать концептуальных персонажей в качестве персонификации экономических категорий. Но даже в это сугубо практическое предисловие Маркс считает важным вставить отступления с мелодраматическими описаниями зла, монстров и «предрассудков так называемого общественного мнения» (Там же: 47). В один из особенно драматичных моментов он заявляет, что готов обвинить всякого немецкого читателя, пожимающего плечами в ответ на описание рабочих условий английских пролетариев или успокаивающего себя тем, что в Германии дело обстоит далеко не так плохо (Там же: 46).

Озабоченность Маркса трудностью «Капитала» доходит до исповедальности в длинном послесловии ко второму немецкому изданию (Маркс 2001d: 48–54). Во втором абзаце дается обзор множества изменений в тексте, внесенных в первую главу, — к примеру, в раздел 3 «Форма стоимости» (Там же: 48). Как многие авторы дневников, он быстро выдыхается, оправдываясь тем, что «было бы бесполезно указывать на все отдельные изменения», и решает изложить детали, касающиеся перевода и публикации (Там же). После этого он с радостью отмечает новизну собственного подхода в экономике, сводя счеты со своими интеллектуально бедными коллегами из Германии, Англии и Франции. Финальную треть Маркс посвящает разбору рецензий, которые его особенно раздражают, — от авторов, которые не смогли понять его метод (Там же: 49–52). Он противопоставляет не-

сколько таких отзывов: один критикует «Капитал» как слишком метафизическую книгу, другой оценивает ее как выдающийся пример аналитики, другой упрекает автора в «гегельянской софистике», в то время как еще один хвалит реалистичность, в то же время осуждая слишком немецкий диалектический способ изложения (Там же: 52–54). Повторяющиеся описания своего метода Маркс сводит к язвительным нападкам на современных ему гегельянцев, которых он называет «крикливыми, претенциозными и весьма посредственными эпигонами», которые «вдолбят диалектику даже в головы выскочек новой священной прусско-германской империи» (Там же: 54).

В момент особого гнева Маркс указывает на важное разделение. Он предполагает, что гармония между его способом исследования и способом изложения гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд (отвечая рецензенту, назвавшему эти методы соответственно реалистическим и немецким диалектическим) (Там же: 53). Почти сразу после этого он заявляет:

Конечно, способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение. Раз это удалось и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то может показаться, что перед нами априорная конструкция (Там же).

Именно здесь Маркс показывает процесс, в результате которого был сделан «Капитал» (последствия нашего погружения в его собственные сокровенные недра производства). Маркс оправдывается, сопровождает читателя и откровенничает — и все это вращается вокруг одной тайны: способ исследования и способ изложения в «Капитале» отличаются. В этой невозможности остановить тщательный разбор собственной книги особенно любопытно то, что Маркс ставит под вопрос не сами концепции, а только способ изложения. В частности, первую главу. Что же, таким образом, кроется за этим сомнением Маркса в первой главе? Способ изложения «Капитала» похож на форму товара тем, что его продукт является результатом автоматического процесса, имеющего две стороны. Для Маркса в «трудной» первой главе о товарах, основной задачей которой является раскрытие «мистического характера товара», необходимы трюки фокусника (Маркс 2001с: 56; Маркс 2001а: 92). То, что первоначально казалось простым отражением его «научного» исследования скрытых движений капитализма в результате оказывается заселено его же «мистицизмом и приведениями» (Маркс 2001а: 95). Но неясным Маркс

оставляет не сам капитализм, а процесс, посредством которого его предполагается уничтожить.

Изнутри головы Маркса

Как можно прочитать «Капитал» Маркса иначе? Один из методов наследует Луи Альтюссеру и его вниманию к «переворачиванию» Марксом Гегеля «на ноги» после осознания того, что его диалектика «стоит на голове» (Альтюссер 2005: 129–130). Задача Альтюссера — исследовать, что именно имел в виду Маркс, когда говорил о необходимом переосмыслении диалектики, «чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно» (Маркс 2001d: 54). В результате у него получилась материалистическая диалектика и все, что из нее вытекает. Что более важно, такое чтение призвано поймать Маркса на его словах из «Тезисов о Фейербахе», где он писал, что «философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» (Маркс, Энгельс 1955: 4). Есть только один ясный путь, который позволит привести такое чтение к его логическому завершению: перевернуть «Капитал».

В качестве примера рассмотрим книгу «Маркс вне Маркса» Антонио Негри (1991). В этой серии лекций, прочитанных в 1978 году по приглашению Альтюссера, Негри выступал против отношения марксистов к Марксу «как к профессору, а не как к активисту» (Negri 1991: XV). Он оставляет «Капитал» в стороне, чтобы сосредоточиться на более ранних «Экономических рукописях». В начале первой лекции Негри обосновывает свой выбор и утверждает, что якобы объективный характер «Капитала» блокирует революционные действия (Там же: 8). «Рукописи», напротив, являются «политическим текстом» — в них соединяются «оценка революционных возможностей, появившихся в силу “неизбежного кризиса”» и «стремление грамотно синтезировать в теории коммунистические действия рабочего класса, столкнувшегося с этим кризисом» (Там же). Негри воспринимает предположительно объективную реальность экономических сил как репрезентацию борьбы между капитализмом и рабочим классом. Фокусируясь на этом антагонизме, он использует Маркса, чтобы выдвинуть тезис об автономном от капитала развитии власти рабочего класса (Там же: 100). Рабочий класс становится агентом катастрофы, усиление которой приводит к кризисам капитализма (Там же: 101–104) — отчасти из-за отказа работать, нарастающего в обратной пропорции закону стоимости (Там же: 166). Это приводит его к «отказу и переворачиванию всей диалектики», к «Марксу, который также демистифицирует и себя», к «Марксу за пределами Маркса» (Там же: 168). Он предлагает формулировать власть рабочего класса

как «антагонистический и субъективный процесс подавления труда», а коммунизм — как «уничтожение капитала во всех смыслах этого слова» (Там же: 168–69, *курсив изменен*). Результатом такого политического прочтения является акцент на прямом конфликте с капитализмом, пусть даже косвенным путем.

Другой пример альтернативного прочтения Маркса — «Читая Капитал политически» Гарри Кливера (2005). Во введении автор выделяет три классических прочтения Маркса: политэкономическое, философское и политическое. Затем он утверждает, что и политэкономическое, и философское укоренены в капитале (Cleaver 2005: 31–58). Альтернатива идеологическим трактовкам — прочтение политическое — это стратегический подход, учитывающий точку зрения рабочего класса и его борьбу (Там же: 58). В качестве примеров он рассматривает «Группу Джонсон-Форест» С. Л. Р. Джеймса и Раи Дунаевской, посттроцкистскую французскую группу «Социализм или варварство» и итальянских «Новых левых» (Там же: 59–77). Все эти подходы объединяет их отправная точка: самоорганизованная деятельность рабочего класса, который борется с самим своим существованием в качестве класса. Совмещая эти примеры со своими интерпретациями товарной формы, теорий стоимости и труда, Кливер быстро приходит к выводу, что политическая борьба скрыта за рамкой капитала. Отдельный интерес для Кливера представляют феминистки, бросающие вызов ортодоксальным марксистским прочтениям «Капитала», которые либо вытесняют на периферию, либо совсем исключают вопрос воспроизводства. Работы итальянских марксистских феминисток, таких как Марьяроса Далла Коста (вместе с американкой Сельмой Джеймс), Леопольдина Фортунати и Сильвия Федеричи, стремящихся обнаружить «другие» сокровенные недра в бытовой сфере, дополнительно подчеркивают важность политического прочтения «Капитала» — это направление, к счастью, в последние несколько лет только расширяется. Такое политическое прочтение выделяет имманентные развитию капитала формы сопротивления.

Спустя годы Кливер обратился к «Капиталу», решив перевернуть его способ изложения. Сначала прочитав главу двадцать четвертую, начиная с жестокой истории так называемого первоначального накопления² — такая стратегия чтения была принята различными марксистами из «еретической» итальянской традиции. Такой подход довольно прямолинейно сглаживает трудность первых глав, так беспокойшую Маркса. Перевернув Маркса на ноги, начав с конкретной

² Кливер выбрал именно такую последовательность для своего курса по «Капиталу» в Техасском университете. Учебные материалы доступны по ссылке: <http://la.utexas.edu/users/hcleaver/357k/357ksg.html>.

истории «кровавых присвоений» капитализма, этот подход позволяет отложить чтение первых глав. Но, что еще более важно, он заменяет идеалистическое сшивание Марксом способа исследования и способа изложения последовательностью, которая отражает по-настоящему материалистическую концепцию истории. Поскольку, как пишут Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», «абстракции эти сами по себе, в отрыве от реальной истории, не имеют ровно никакой ценности» — потому они предлагают метод «прямо противоположный немецкой философии, которая спускается с неба на землю», согласно которому материалист поднимается «с земли на небо» (Маркс, Энгельс 1955: 25–26). Это перераспределение соответствует собственному материалистическому методу Маркса, движущемуся от конкретного к абстрактному, и согласуется с марксовской критикой идеализма в гегелевской диалектике. Оно представляет главы Маркса, в которых тот «кокетничал характерной для Гегеля манерой выражения», в конце, тем самым абстрактно суммируя результаты его исследований (Маркс 2001: 54).

Более явно последствия такого альтернативного прочтения заметны в книге Сильвии Федеричи «Калибан и Ведьма» (2004), осуждающей жестокость капитализма в его истоках и рассматривающей охоту на ведьм в раннее Новое время как суровую борьбу за роль женских тел в переходе к капитализму на стадии первоначального накопления. Тайна, раскрытая такими читателями, — не столько фетишизм товара, сколько жестокость капитализма, — он умеет внезапно становиться автоматическим или даже естественным, как говорит Маркс — становиться «слепой силой» (Маркс 2001: 540). С политической точки зрения эти подходы способствуют превращению «Капитала» в сенсационную работу. Этот опыт чтения выявляет яркие детали, которые Маркс приводит относительно «кровавого законодательства», навязанного крестьянам после их отделения от средств к существованию. Эти средства обеспечиваются феодальными общинными землями, но их недостаточного для того, чтобы заставить крестьян работать. Список известных персонажей Маркса дополняется бродягами и другими субъектами, которые не желали работать на первых фабриках. Отказ привел к появлению законов, требовавших «привязывать их к тачке и бичевать, пока кровь не заструится по телу», клеймить их как нарушителей и иногда казнить (Там же: 538).

Конечно, рассмотрение капитализма через «первородный грех» первоначального накопления предполагает определенного рода компромиссы. Особенно стоит отметить, что такой подход может затуманить марксову интенцию представить капитализм с аналитической ясностью как систематическую эксплуатацию рабочего класса. Будто бы в идеальных условиях капитализм может функциониро-

вать без жульничества, воровства или прямого насилия, с рабочими, выражающими волю к участию, — и это ключевой момент для критики либеральных понятий контракта и согласия. Тем не менее, заменяя бескровные концепции права долгой историей кровавой борьбы, такие рассуждения бросают вызов подразумеваемому Марксом в «Капитале» суждению, что «слова и концепции лучше передают суть» и позволяют раскрыть тайну социальных отношений при капитализме (Cvetkovich 1992: 174). Говоря абстрактными терминами этого проекта, «разгораются противоречия». Какой подход лучше всего помог бы нам завершить частное расследование, неоконченный путеводитель или исповедь Маркса? Т–Д–Т или Д–Т–Д?⁵

Критически-клиническая антропология

Подход к капиталу Делёза и Гваттари — еще более сенсационный в силу их интереса к телу. Они отказываются как от небесного укрытия капитализма, так и от земной грязи рабочего класса. Скорее, они сосредоточены на социальном теле — на стаях, племенах, массах и народах. Они рассматривают тело как военные культурные врачи, которые стремятся диагностировать болезни современности. Для этого они занимают позицию, которую Ницше определяет для «философа как клинициста цивилизации» (Nietzsche 1979: 69). Такая диагностическая роль — критическая по определению, и относительно пессимизма Ницше утверждает, что творческие действия философов «никогда не влекли людей» к понимая причин (Там же: 71). Философы действуют на культуру тремя способами: сохраняя ее, устраняя ее ограничения или уничтожая ее. Философ может действовать как растворитель, выступая в качестве разрушительной силы «в отношении всего позитивного», и, следовательно, наиболее полезен «во времена хаоса или вырождения», то есть «когда многое нужно разрушить» (Там же: 72).

Этот метод позволяет уточнить подход Делёза и Гваттари. В ка-

⁵ «Третий путь» Делёза и Гваттари пытается решить эту проблему, подходя к капитализму с точки зрения его внешнего, о чем я скажу ниже, потому что: «Если мы размещаемся в капиталистическом способе производства, то крайне трудно сказать, кто вор, а кто жертва и даже где располагается насилие. Дело в том, что рабочий рождается объективно совсем голым, а капиталист — объективно «одетым», неким независимым собственником. То, что так формирует рабочего и капиталиста, ускользает от нас, ибо действует в иных способах производства. Именно насилие утверждает себя как уже совершенное, даже если оно происходит вновь и вновь каждый день. Раз и навсегда надо отметить, что нанесение ущерба [*mutilation*] является предварительным, заранее установленным. Итак, предложенный Марксом анализ следует расширить» (Делёз, Гваттари 2010: 759).

честве руководящего принципа они берут за основу призыв великого врача-культуролога Р. Д. Лэйнга: «смысл в том, чтобы спровоцировать прорыв, а не провал» (Делёз, Гваттари 2007: 208–210). Как это сделать? Они утверждают, что каждая эпоха получает именно то заболевание, которого она заслуживает (Там же: 58–59). «Речь идет не об образе жизни», — поясняют они, а о глубинных процессах, которые раскрывают понятия психологии в политическом и социальном регистрах (Там же: 59). Они не рассматривают случаи, приводящие к индивидуальному клиническому диагнозу или даже к госпитализации, поскольку те представляют собой трагические крайние случаи, в которых определенное тело не может справиться с процессом, в который вписан каждый (Там же: 498–506, 571–574, 595–598). Их социальная психология изучает, к примеру, как фашизм заражает всех людей, или как шизофрения подписывает торговые сделки, но кроме того — возможность прорыва, способного искоренить болезнь в ее источнике.

Эпидемиологический метод, разработанный Делёзом и Гваттари для изучения капитализма — это радикализация метода самого Маркса. Маркса, озабоченного не тайной товара, а шизофреником, болезнь которого, по мнению Делёза и Гваттари, определяет капиталистическую эпоху. Они рассматривают тайну шизофреника, чтобы переработать великую формулу Маркса о тенденции снижения нормы прибыли и увеличения абсолютного количества прибавочной стоимости (Там же: 59). Возникновение новых производственных циклов имеет характерные признаки шизофрении с ее стремлением к творческому производству, свободному от какого-либо конкретного результата или продукта. В то же время ограничения, установленные приватизацией богатства, несут на себе отпечатки психологических репрессий, в рамках которых авторитеты государств, наций и семей набрасываются на людей, чтобы определить их через абстрактные количества. Вместе с тем, это двойное движение оформляется не сразу. Маркс сам говорит схожим образом о «Капитале»: когда меняется точка зрения, меняются и драматические персонажи (*dramatis personae*) этих историй (Cvetkovich 1992: 181–182). Таким образом, Делёз и Гваттари продолжают критическую антропологическую линию, которую Маркс провел относительно защиты капитализма Адамом Смитом через «естественную склонность человека к сделке, торгу и обмену», — «мы начали с определения [шизофреника] в качестве *Homo natura*, а теперь заканчиваем на его определении как *Homo historia*» (Смит 2007: 76; Делёз, Гваттари 2007: 42).

В своих поисках *Homo historia* Делёз и Гваттари встают на путь, проторенный Марксом и Энгельсом. Под маркой «всеобщая история», которую Маркс заимствует у Гегеля, Делёз и Гваттари раскрывают тезис о том, что вся история может быть задним числом понята

через капитализм. Основные характеристики такой универсальной истории были разработаны Марксом, а именно: ретроспективность, случайность, сингулярность, ироничность и критичность (Делёз, Гваттари 2007: 222). Тем не менее, несмотря на кажущуюся близость к гегелевской истории, Делёз и Гваттари скептически относятся к диалектическому изложению «Капитала», равно как к предполагаемой политике рабочего класса, превращающегося в партию «в-себе и для-себя». Их больше вдохновляют достижения в антропологии, например — книга Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1986 [1884]). Они также испытывали особое влияние современных им тенденций — в частности, структуральной антропологии Клода Леви-Стросса и его учеников.

Ретроспективный антропологический взгляд Делёза и Гваттари различает три клинических типа людей, приводящих к внезапному возникновению капитализма: «дикари», «варвары» и «цивилизованные люди» (Делёз, Гваттари 2007: 230, 316, 351). Все три фигуры носят свое имя по иронии судьбы, поскольку система социального кодирования, определяющая их, задает каждой особенные условия, которое складываются в совсем другую историю. Делёз и Гваттари описывают эти типы во плоти и крови — через репрезентационные системы жестокости, террора и аксиоматизации, а также абстрактные машины первобытной, деспотической и цивилизованной территориализации. Следующие императиву «Все средства жизни должны циркулировать!» «дикари» — это извращенные люди, намеренно живущие без государства, удовлетворяющие свои социальные потребности только после перверсивного путешествия по запутанной лоскутной ткани родства и сопринадлежности. Условия этого относительного равенства обеспечиваются социальным запретом на прямое присвоение средств жизни, которое направляет желания дикарей по извилистым тропам и заставляет их извращенно удовлетворять эти желания. Следующие императиву «Все принадлежит деспоту!» «варвары» — это параноидальные люди, живущие под трансцендентальным авторитетом деспота, накрытые гобеленом различных образов жизни, объединенных царскими указами свыше. Их желание выковано суверенным Другим, а их субъективность основана на ответе Голосу, который исчезает в письме. Учитывая власть деспота над жизнью и смертью, их существование определяется параноидальным отношением к произвольному авторитету. Следующие аскетическому императиву «Бесконечный труд для оплаты бесконечного долга!» «цивилизованные люди» — это одновременно невротики и шизофреники, чьи социальные коды «разрываются в клочья» капитализмом, заставляя их участвовать в бессмысленной работе исключительно ради сохранения средств к собственному существованию. С одной стороны, они воплощают роль шизофреника, компульсивно участвуя в

творческом производстве ради самого процесса, в то время как с другой стороны социальные авторитеты возвращают их обратно в семью, которая подразумевает определенные отношения власти и безрадостное невротическое накопление.

Делёз и Гваттари, по-своему переворачивая Маркса, утверждают, что общества определяются не способами производства, а способами предотвращения, тем самым заостряя внимание на проблематичности традиционного марксистского метода описания обществ (Делёз, Гваттари 2010: 723–727). Они не задаются онтологическим вопросом о том, что делает нечто *тем, что оно есть*; их интересует другое: *что мешает этому нечто стать чем-то другим?* В результате получается исследование способов антипроизводства общественных образований. Антипроизводство не является противоположностью производства, как в случае разрушения его цепей. Антипроизводство — это, скорее, — это сумма ограничений, накладываемых на производительную деятельность, гарантирующая вполне определенное функционирование производства. Таким образом, антипроизводство устанавливает условия, при которых действует любой данный способ производства. Переворачивая силы и отношения производства, изученные марксистами, Делёз и Гваттари описывают в общих чертах силы и отношения антипроизводства, которые формируют извращенных «дикарей», параноидальных «варваров» и невротически-шизофренических «цивилизованных людей».

Первобытная территориальная машина запускается силами антипроизводства, которые устанавливают родственные отношения, охватывающие все социальное поле (не оставляя места для индивидов или дихотомии между публичным и частным), а также отношениями антипроизводства, образующими новые альянсы через запрет на прямое присвоение того, что принадлежит чьей-либо семье (Делёз, Гваттари 2007: 264–267, 230–233). Эффектом сил и отношений «дикого» способа антипроизводства является стимуляция отсрочки потребления (в семье), когда средства жизни обеспечиваются с помощью других (через альянсы, которые предоставляют эти средства как «открытые, мобильные, конечные блоки долга») (Там же: 300–301), что делает ритуалистическую циркуляцию средств жизни клинически извращенной во фрейдовском смысле. Производительность ограничена, потому что все блага накапливаются только на время, считаясь группой ценными временно — до того момента, пока они не будут разделены с другими в рамках коллективного ритуала.

Деспотическая территориальная машина управляется силами антипроизводства, перестраивающими преданность снизу вверх через политическое господство в завоеваниях и ритуалах суверенного избытка, а также антипроизводственными отношениями, устанавли-

ливающими иерархическую кастовую систему посредством закона. Эффект сил и отношений «варварского» способа антипроизводства — это система дани, которая стимулирует производство ради выплат абсолютному суверену, который действует как глава семьи, который владеет всем и которому все принадлежит. Такой способ антипроизводства позволяет только ту деятельность, которая прославляет суверена — ценность имеет только то, что остальные смогут потратить на роскошные церемонии, памятники и другие знаки отличия — например медали. Единый стандарт стоимости навязывается сверху суверенным правом как часть его трансцендентальной монополии на жизнь и смерть, делая паранойю общим социальным условием.

Капиталистическая территориальная машина наращивается силами антипроизводства, устанавливающими в качестве императива необходимость реинвестировать избыток в какую угодно производительную деятельность, а также отношениями антипроизводства, управляемыми посредством количественных долгов, установленных через приватизированную семью и капитал. Эффект сил и отношений «цивилизованного» способа антипроизводства заключается в интернализации потребления в рамках производительности, так что оно служит внутренним стимулом для поглощения перепроизводства, стимулирования новых циклов производства и погашения долгов перед прошлыми инвестициями. Преобладает шизофрения, поскольку количественные расчеты используют нексус денег, подменяющий качественные системы значения и убеждения, кодирующие общество. Это приводит к увеличению активности во имя накопления — независимо от того, какое количество оставшихся убеждений оправдывается цинизмом или ложной набожностью, поскольку вера становится полностью контингентной и зависимой от стратегических разворотов рынка. Невротичность тоже циркулирует, оправдывая приватизацию огромных богатств, созданных в ходе продолжающегося расширения производственной деятельности, в то время как психиатрические и другие органы власти используют невротическую семью для генерализации условий частной собственности.

За Делёза

	Первородный "дикор"	Паранойальный король	Нервотическая семья и шизофренический капитализм
Императив	" <i>Все средства хороши для циркуляции</i> "	" <i>Все триггерные деспта</i> "	" <i>Аскетизм бесконечной трудности/бесконечной доты</i> "
Силы анти-производства	"Родственные отношения, распространяющиеся на все социальные плечи (включая ирригацию разделения между частными/публичными)" "Другие отношения"	"Фетирическое полиинеское диминирование, завоевания" "Третьево слову"	Капиталистический императив не инвестировать
Отношения анти-производства	Запрещенное клановое/градисание	Закон как кастовая система (Каст-Рашид)/ Извечные даны	Нравства как экономическое не-лицо
Процесс	"Функция (внутренне запасы) - Альянс (внешний дот)" "Напряжение - основной двигатель циркуляции" "Эксклюзивное использование двоичного сигнала (дифференциальное) прерывающее транс-присвоение"	Множественная переплетенная альянсодоговой системы "вверх"	Анти-производство как внутренний мультипроблема в цепях избегания кризиса перепроизводства
Инцист	Побуждение к соединению с другими	Повседневное и небытие образное представление производилось исключительно десптополюсному слову деспта	"Маленький/грань/секрет" претягивает биологическому инцисту
Примеры	"Кустовый геранок (феминизм/оолики) + Деревянный перестрой (временная структура для отладки зрения)" "Результативная трава (голова)"	"Тупый/нечеткий геранок (десптолиеский) + Горючие перестрой (кастовая система)" "Третьево слову"	Подчиненность анти-производства производим "инстинкт смерти"

Система записи	Система жистотности	Система террора	Система аксиоматизации
Кодирование	Код шит в плоть тела (татуировки, шрамирование). Против искушения.	Сверхкод - письменный указ голоса деспта (голос исчезает в письме)	Освобождение кодов + Перекодирование власти условными кодами + Общественное производство + Частная собственность/Менеджмент ["Детерр запасы капитала / Труд для новых производственных процессов (Революционизирующий + социализирующий производительные силы)"] "Ретерр актуализирует «властный компонент капитализма» - ограничивает производительные силы / направляет расходы в воспроизводство"
Форма письма	Коннотация - Ритуал сообщества, соединяющий запись с голосом, за которым наблюдает взгляд авторитета	Подчинение - интерпретация отсутствующего голоса (письма) под угрозой смерти	Цинизм и (ложная) невозможность - деконструкция цинизма + перекодирование: представить, что верить во что-либо необходимо
Органы	Принадлежит группе. Место/Функция основываются на коннотации	Принадлежит десптопу, обеспечивают власть над жизнью/смертью, кастовая система	Принадлежит «сфере частного» и обеспечивают воспроизводство людей в рамках приватизируемых семей
Репрессурирующая репрезентация	Система Альянс-Долга (= мужская гомосексуальность)	Королевский инцист (отделяет деспта от обычных людей)	Эдип
Перемещенное репрезентированное (Репрессированный) представитель. Желания	Инцистуальный запрет	Общий инцист	Эдип
Эдип	Смещенный (Миф)	Репрессированный (Трагедия)	Представительный (Мечта)
	"Дикор"	"Вздор"	"Целиственные чужие"
Социус	Земля	Деспот	Капитал
Прибавочная стоимость	П/Схда - временно немотивные благ толгаются коллективизационность	П/Схда - единый трансформальный старт стоимости стущей/вверху (дены) → "Третьево слову"	П/Слока - сдвинутый/неотсвоенный потоки/нарынок/сплощадает (Альянс/эй/капитализм/эрибракх/тротвот/лупа) Фитильный/капитализм+демонитроизм/дены/индустриальный тип
Желание	Желание как отношение к чужим объектам определенно множественно/ириулолом	(Л/ванкозой) Желание как желание желания Другого (деспта) - желание общества власти режисное	Желание отдельно от общества и поощрение семьи где оно запрещено → Аскетичная субъективность (отрицание, идентичность, отладывание, работа)
Долг	"Коллективный дот перед Землей" "Оптрадический/взаимный/именный/системе родов (Коль-Фрэн)" "Опытные, небывшие, конечные бляхидотга"	"Подчиненный/кляхидотту/Деспта" "Бесконечный дот (говосен/награвенный)" "Множественный/наджизмо/о/смерть/улова/о/смерти"	"Выветывает перепроизводство" "Бесконечный дот/капиталу/ка/истинному/освоенному/будущего/производства" "Бесконечный дот/принимит/оплачивать/за/прошлые/инвестиции"
Кодирование	Льшальные коды	Льшальные коды+ириерошой/добавочный код	В равные количества неоплошак/результат/декодирования+минимальный код
	Кодирование (не-естественное: меня, убеждения, опыта)	Сверхкодирование (капиталистическое: бесконечное)	Аксиоматическое (капиталистический/декодированный) + тотый минимальный код
Детерриториализированные потоки	Канекция	Делегация	Канекция
Государство	Льтвенное, неподдающееся	Конкретизированная абстракция трансцендентное единство	Плохая, имененная/небдль/реализация/аксиоматичности "регулятор/декодированный/аксиоматизированный/голос"

Если присмотреться внимательно, можно заметить, что довольно сжатое диагностическое заключение Делёза и Гваттари вписывается сразу в несколько теоретических дебатов. К примеру, оно помещает концепты двух Жаков — Лакана и Деррида — в исторический контекст. Желание Другого и письмо-как-присутствие, по их мнению, — вполне корректные теоретические системы (Делёз, Гваттари 2007: 321, 336–337). Не то что бы эти авторы разоблачаются, но они наделяются статусом, схожим со статусом классических экономистов, которых Маркс ставил на головы с помощью критического метода (переворачивания), объясняя условия возникновения их концептов. Основной проблемой остается тот факт, что они возникли как процессы, которыми деспотически владели суверены феодальных обществ. Лакановское Желание как желание Другого — это структура желания, свойственная людям под властью деспота, собственное желание которого формирует идеал, в который все инвестируются (Там же: 326). Письмо-как-присутствие, в свою очередь, выступает в качестве бюрократической функции, запускающей циркуляцию деспотических означающих суверена по всем его владениям с помощью письма (Там же: 322–333). Примечательным образом эти моменты проявились в реакции Лакана и Деррида на события Мая 1968-го. Лакан, как известно, обозвал радикалов невротическими детьми в поисках отца, утверждая, что «как революционеры они требуют нового господина. Они получают его!» (1987: 126). Деррида, дистанцируясь от событий 1968-го, отмечал, что несмотря на его участие в первой генеральной ассамблее на улице Ульм, он был «сдержан, даже зол» перед лицом всеобщего «энтузиазма, вызванного долгожданным «освобождением речи», в которое он никогда не верил (Derrida, Ewald 1995: 280). Критическое исследование Делёза и Гваттари — это не просто ответ на эти претензии, но указание на условия возникновения этих претензий, которые оказываются аристократическими пережитками старого мира. Почему? Потому что «письмо никогда не было принадлежностью капитализма», более того — «капитализм глубоко безграмотен» (Делёз, Гваттари 2007: 380). Революционная борьба против капитализма, таким образом, почти никак не связана с выраженной озабоченностью Лакана и Деррида суверенным законом, трансгрессией социальных запретов или ответами божественному граду — разве что с «ностальгией по (или необходимостью в)» деспотичном архаизме, который возрождают ироничные радикалы, пугливые либералы или фашизоидные консерваторы в поисках временных убежищ из капиталистической неопределенности (Там же: 411).

До предела

Повышая ставки, спросим: как нам нужно читать Делёза? Откавшись как от перспективы капитала (Д–Т–Д), так и от перспективы рабочего (Т–Д–Т), мы могли бы назвать марксистскую философию Делёза философией движения.⁴ Это роднит его с Марксом и Энгельсом, которые в «Немецкой идеологии» заявляют, что коммунизм — это не состояние, а «действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние», «условия которого порождены имеющейся теперь налицо предпосылкой» (Маркс и Энгельс 1955: 34). Понятие движения играет ключевую роль в определении капитализма Делёзом и Гваттари. Вторя словам из «Манифеста коммунистической партии» Маркса и Энгельса («Все застойное исчезает» 1955: 427), Делёз и Гваттари считают, что внутреннее ядро капитализма связано с декодированием прежних социальных систем, которые становятся сырыми материалами для абстрактного введения новых цепей производства (2007: 352–357). На ранних стадиях преодоление ограничений происходит через базовую операцию формального поглощения, которая позволяет капиталистам захватывать некапиталистические формы производства. Вместе с тем капитализм наращивает свой собственный момент импульса, когда он навязывает внутренние ограничения, чтобы их преодолевать, — к примеру, вводя передовые машины, которые отвечают за неорганическую половину «тенденции снижения нормы прибыли», о которой так много говорится. Создание неограниченных потоков (например, абстрактного труда через процесс лишения собственности) для Делёза и Гваттари является исходной точкой для фундаментального определения капитализма: как систему, которая устанавливает свои собственные пределы только для того, чтобы их преодолеть.

Трехчастная типология Делёза и Гваттари ставит вопрос капитализма как движения, а не перспективы. Капитал рассматривается не как онтология бытия, а как антропология становления. Во вступительной главе «Тысячи плато» авторы отмечают, что философия слишком часто путается, спрашивая *est* (есть) вместо *et* (и). В результате они заменяют социологическое исследование факта существования чего-либо революционной философской задачей воображения его потенциала к вариации (Делёз, Гваттари 2010: 25). Как это относится к «универсальной истории капитализма»? В определенной степени здесь совмещаются субъективный антагонизм Негри (хотя и без его аналитической точности в выявлении конкретных слабых мест для разрушения) и внутреннее сопротивление Кливера

⁴ Этот аргумент приводит Давид Лапюжад в своей книге *Aberrant Movements* (2017).

(хотя и без его конкретной истории, вдохновляющей на верность традиции долгой борьбы). Делёз и Гваттари в философском плане интересуются по большей части «виртуальным» — «реальным — без актуальности, идеальным — без абстрактности» (Делёз, Гваттари 2009: 181). Они не ограничиваются каким-либо конкретным положением дел (Там же: 40–42). Скорее, они «поднимаются» из конкретного положения дел, стремясь не представлять реальность, а решить философскую задачу — предложить свежий взгляд на мир, который позволил бы протолкнуть его вперед, открывая новые очаги борьбы с капитализмом каждый раз, когда предыдущие подавляются (Там же: 116–117). Как и в случае шизофренического движения капитализма, постоянно изобретающего новые реальности, обнажая трещины в имеющихся, Делёз и Гваттари видят утопический горизонт в прояснении барьеров, пределов и критических точек (Там же: 184).

Философский метод дифференцирования — это альтернатива классическим марксистским стратегиям революционного действия. Что это за дифференциальный метод? Это не рационалистический подход к «абстрактному, которое нужно объяснить», ищущий конкретные моменты, подтверждающие то, что уже известно об абстракции (Deleuze, Parnet 2007: vii). Это и не диалектика противоречия, которая выявляет абстракции, содержащие различия только в порядке абстрактного. Напротив, Делёза интересует различие, которое различает, то есть способ, которым нечто конкретное трансформируется во что-то еще. Его метод — «соединять линии», чтобы увидеть, как они «спутываются, сходятся, ветвятся, избегают падения или проваливаются в очаги» (Там же: viii). Задача не в том, чтобы зарыться в их прошлое, чтобы узнать, что они из себя представляют или чем они были. Цель — обнаружить их потенциал к деформированию в нечто совершенно отличное — это различие, «которым индивидуализируется река, климат, событие, день, час дня» (Там же).

Метод дифференциации отличается от марксистского политэкономического проекта предсказания. Возможно, марксизму не удастся объединить политическую экономию с политикой в силу его ориентированности на поиск *основных* первичных противоречий; в своей недавней книге Дэвид Харви (Harvey 2015) предполагает, что существует ровно семнадцать противоречий капитализма. Сорокачасовая рабочая неделя, социальное страхование, кейнсианство, продуктивистская сделка Форда, минимальная заработная плата, неолиберализм, растущая роль финансового сектора, Зеленая революция и грубое вмешательство в вопрос универсального базового дохода — все это осложняет путь к революции, указанный Марксом. И показывает, что капитализм не находится на пути совершенствования. Напротив, все это можно объяснить как моменты развития капиталистического режима анти-производства, стремящегося на-

править все средства, избегающие валоризации, обратно в цепи производства. Какой урок можно извлечь из этого? Определенные критические точки в капитале подвергаются кооптации. Таким образом, вклад Делёза и Гваттари в марксизм заключается не в совершенствовании политэкономического анализа. Отправной точкой для них является, скорее, поразительная способность капитализма к восстановлению, способность производить различие так, чтобы в конечном счете предотвращать различия, которые вносят различие.

Существует много подходов, которые напоминают подход Делёза и Гваттари в плане стиля, используемых концептов или отсылок. Но все они оказываются недостаточными, так как не принимают в расчет антропологический метод Делёза и Гваттари.

Под знаменем *диалектики* некоторые традиционные марксисты рассматривают капиталистические противоречия как источники двух путей революционного крушения капитализма. Первый путь связан с тем, что понижение заработной платы, в конечном счете, разорит рабочий класс — он настолько обнищает, что накопление разрушит структуру, либо пролетариат восстанет в силу необходимости.⁵ Второй путь связан с тем, что постоянное развитие капиталистических сил производства в итоге наткнется на собственный внутренний предел, который станет консервативной силой и положит начало более развитой системе производства.⁶ Делёз и Гваттари с пессимизмом смотрят на потенциал этих абстрактных противоречий к осуществлению. В противовес они предполагают, что можно представить отсутствие потолка или пола у капитализма, отсутствие переходной точки в связи с крайней степенью изобилия или кризиса («вы еще ничего не видели»). В какой-то степени они имеют в виду отсутствие какого-либо внутреннего предела, который капитализм не мог бы преодолеть — ни в форме кейнсианского креста обнища-

⁵ «Тезис об обнищании», впервые введенный Марксом и использованный позднее Энгельсом в теории кризиса недостаточного потребления (зачастую приписываемой Розе Люксембург, до сих пор остается предметом споров. См. опровержение Карлом Каутским попытки Эдуарда Бернштейна нацелиться на «диалектические строительные леса» обнищания, которое мало чем отличается от более позднего диалектического понятия «пространственной фиксации» Дэвида Харви (Каутский 2012; Bernstein 1909: 212; Harvey 1981). Последующие споры касались последствий обнищания — либо это уменьшение производства и ослабление расширившегося накопления, либо это «производство» пролетарских могильщиков капитализма, либо то и другое вместе.

⁶ Наиболее заметные сторонники этого пути придерживаются маоистских позиций «конкретного развития производительных сил», хотя вместе с этим он служит основанием для широко раскритикованной двухступенчатой теории, в рамках которой приход коммунизма ожидается только после полного развития предыдущих стадий — сначала капитализма, затем социализма.

ния, на котором можно повеситься, ни кризиса накопления или непереносимой нормы прибыли, ни страданий, которые люди отказываются переносить. Это привело их к утверждению, спустя год после «Анти-Эдипа», о том, что они «больше не собираются говорить о шизоанализе, потому как это будет значить защиту особого типа бегства, шизофренического бегства» (Deleuze 2004: 280). Это не значит, что люди не сопротивляются, не бунтуют или не сбегают, потому как они всегда это делают. Но социально-психологическое инвестирование в капитализм может преодолеть проблемы политической экономии — верующие всегда вернут ее к жизни, даже после ее крушения. Это хорошо выражено в двух слоганах 1970-х: «легче представить конец света, чем конец капитализма» (подразумевается, что капитализм может пережить экологические катастрофы или бедствия глобального масштаба) и «слишком большой, чтобы обвалиться». Эти слоганы использовались для урегулирования банкротства финансовых институций после обвала в 2008 году (Делёз, Гваттари 2007: 442–601). Суть в том, что капитализм не подвержен саморазрушению, его нужно низложить.

Под знаменем *либеральной демократии* демократические плюралисты отделяют Делёза и Гваттари от их революционного марксизма во имя капиталистических ценностей, согласующихся с либерализмом.⁷ Такие подходы на удивление выборочно используют цитаты, в то время как Делёз и Гваттари достаточно ясно указывают на свою позицию: «Никогда не было — если исключить идеологию — человеческого, либерального, патерналистского и т. п. капитализма», так как уровень его жестокости и террора даже выше, чем в обществах, определяемых жестокостью и террором (Там же: 588). Почему? Рост заработной платы всегда приводит к гораздо более грубой форме эксплуатации, так как он расширяет капитализм — «давайте займемся *New Deal*, признаем сильные профсоюзы и будем внимательно относиться к ним, будем продвигать участие, сделаем единый класс» (Там же). По сути, улучшение жизни просто воспроизводит внутренние пределы капитализма, умножая пространства эксплуатации и пренебрежения. Даже если бы это было не так, нет ничего хорошего в мирном сосуществовании множественных миров в единой системе эксплуатации. Наоборот, такая структура говорит о наступлении эры величайшей формы деспотизма. Такой порядок вещей подчиняет все подсознательные вложения интересам капитализма, формируя государственно-капиталистическую пози-

⁷ Наиболее яркие либеральные делёзианцы — это Пол Пэттон, пытавшийся в своей недавней книге соединить Делёза и Ролза, Вильям Е. Коннолли и Джейн Беннетт из Университета Джонса Хопкинса, а также их ученики, в особенности Николас Тампио.

цию, из которой можно извлечь все другие интересы (Там же: 589–596). Коротко говоря, капитализм запускает нечто вроде стокгольмского синдрома, выраженного в отождествлении с угнетателем. Это отождествление схоже с тем, которое Фрейд видел в бешеной толпе, — фашизм, отвечающий на знаменитый вопрос из «Анти-Эдипа»: каким образом масса в определенный момент начинает желать собственного угнетения? (Фрейд 2011). Проясняя ситуацию, Делёз и Гваттари провозглашают: «Когда утверждают, что заводы — это тюрьмы, это не метафора: они не просто похожи на них, они ими являются» (Делёз, Гваттари 2007: 589).

Под знаменами *рынков*, некоторые исследователи настолько раздражены марксизмом Делёза и Гваттари, что строят целую империю из нескольких отсылок к Фернану Броделю. Такие мыслители как Мануэль Деланда утверждают, что можно провести нить между Броделем и авторами «Капитализма и шизофрении» от центрального броделевского аргумента о многосоставной истории, в которой существующий капитализм оказывается силой, направленной против рынка (DeLanda 1997; DeLanda 1998). Такие авторы опираются на неустойчивую почву, потому что Делёз и Гваттари ссылаются на Броделя меньше дюжины раз, исключительно для укрепления позиций относительно географии и истории технологий. Все, конечно, знают, что Маркс и Энгельс в «Манифесте коммунистической партии» говорят о революционной силе капитализма и даже вполне положительно рассматривают его способность ставить под сомнение неоспоримые ранее системы. Но они также утверждают, что его нужно победить, потому что эксплуатация необходима ему в качестве производительной силы, а работает он на систематическом извлечении прибавочной стоимости. Делёз и Гваттари, признающие революционно-шизофренический полюс капитализма в «Анти-Эдипе», могут заставить кого-то сделать вывод, что в рынке есть некая революционная сила, скрытая капитализмом — капиталисты всегда обещали креативность, инновации и процветание. Но такой вывод означает непонимание критики капитализма Делёзом и Гваттари, потому как более конкурентноспособные рынки совершенствуют антипроизводство, этот внутренний стимул капиталистического производства. Именно поэтому Делёз и Гваттари не ассоциируют рынки с революционным полюсом капитализма. «Настоящая полиция капиталиста — это деньги и рынок», говорится в «Анти-Эдипе» (2007: 377). Развивая это утверждение в «Тысяче плато», авторы настаивают на зависимости рынков от государства, которое порождает их через присоединение и изъятие руководящих аксиом (Делёз, Гваттари 2010: 785–787), а также на том, что есть только один всемирный рынок, который заставляет все государства слиться в единой форме (Там же: 739–41; 789–792). Рынки определяют действие невротико-параной-

ального полюса капитализма, который перенаправляет все, что может ускользнуть, обратно в производственные цепочки капиталистического производства. Так формируется высшая форма аскетизма — работа во имя работы.

Под знаменем *производства* несколько разных групп авторов предполагают, что Делёз и Гваттари — это либеральные марксисты, которые видят в качестве проблемы капитализма недостаток в нем креативности.⁸ Одна из таких групп — марксисты, придерживающиеся концепции «монопольного капитализма», принимающие капиталистические принципы конкуренции, работы, технических инноваций, производства товаров и накопления богатств, но убеждающие, что они будут реализованы только социалистическими средствами. Другая группа — постальтьюссериянцы, которые отрицают существование монолитного капитализма и утверждают, что есть много разных капитализмов, и некоторые из них лучше других. Странные сообщники Хаймана Мински (Minsky 1991: 10), любившего сравнивать «разнообразие капитализма, обеспечивающее его нестигаемость», с подходом компании *Heinz*, которая предлагает пятьдесят семь разных видов соленых огурцов. Еще есть «посткапиталисты», которые отказываются противопоставлять что-либо этой системе. По их мнению, общественный строй сообществ основан на некапиталистических социальных отношениях — нужно просто выразить их отчетливее, заменив ими капиталистические. Некоторые из этих интерпретаций можно обвинить в избыточном постмодернизме, который в свое время бросался плюрализировать, проблематизировать, усложнять или умножать все, что только можно. Забавное предательство Делёза и Гваттари — ведь они предпочитали педантичной смерти от тысячи отличий без различий изящество одного плана с ограниченным набором абстрактных фигур, с помощью которого можно обзирать бесконечное число вариаций, переменных и разновидностей (Делёз, Гваттари 2009: 232–235). Главная беда, что все эти продуктивисты выступают прислужниками капиталистической теории ценностей, вместо того чтобы быть ее могильщиками. Делёз, говоря о таком спорном чтении «Тысячи плато», выступает против *Homo laborans* марксистов, считающих производственную деятельность тем, что делает человека человеком. Вместе с Гваттари он отвечает продуктивистам, что именно насилие государства делает из производительности режим (Делёз, Гваттари 2010: 725–726). Подход

⁸ Такое мнение широко разделяется в ранних публикациях журнала *Rethinking Marxism*, в частности, в статьях, Дж. К. Гибсон-Грэм. Они не хотят обрушивать капитализм — их феминистский подход к нему сводится к уменьшению его значения через внедрение все большего количества некапиталистических форм, которые займут его место (Gibson-Graham 1996; 2006).

Делёза и Гваттари рассматривает революционный горизонт не как усовершенствование человеческой продуктивности, но как отрицание капиталистической формы стоимости самой по себе через избавление от производства, понятого как режим жизни.

Революция, или хроники Внешнего

Основная задача — чтение революции — самая трудная. В книге «Смешанные чувства» Цветкович уточняет, что несмотря на сенсационные элементы в «Капитале», Маркс, размышляя о насилии капитализма, детально раскрывает пределы жанра сенсационного романа (Svetkovich 1992: 173). В капитализме проявляются элементы насилия, свойственные докапиталистическим общественным формациям, многие из которых оставили следы жестокости и террора прямо на теле. Капиталистическое насилие, будучи абстрактной системой эксплуатации, выписывается абстрактной количественной системой записи, которая отмечает тела по-разному («ставя под вопрос уровень раскрытия истин сенсационализированными объектами или личностями, истин социальных отношений под капитализмом») (Там же: 174). За Цветкович и Марксом идут Негри, Кливер, Федеричи и другие. Все они вопрошают о том, как можно прочесть «Капитал» так, чтобы заняться радикальной политикой. Даже в отошении к философии они ставят политическое выше всего остального, заявляя, что «до бытия имеет место политика» (Делёз, Гваттари 2010: 335). Делёз и Гваттари открыто выступают против программатизации партийной политики (2004: 279–280) — это означает, что их философия не представляет определенную политическую программу. «Анти-Эдип» в этом отношении явно имеет революционные намерения, хотя и указывая на революционный потенциал искусства и науки (Делёз, Гваттари 2009: 581–586). Две последовавшие книги — «Тысяча плато» и «Что такое философия?» не теряют революционного запала. Во всех трех работах о государстве говорится только с раздражением. Исключение, разве что, можно найти в аксиомах номадологии, от которых авторы затем отказались в своей критике мажоритарной демократии в книге «Что такое философия?». Материалистический метод, использовавшийся для критики Деррида и Лакана, позволяет Делёзу и Гваттари переворачивать Гегеля с ног на голову: они утверждают, что не мир управляется диалектикой, а государства. Они описывают целый ряд диалектических операций государственного насилия: общественное признание, консенсуальные договоры, юридические полномочия, противопоставленные (на первый взгляд) либеральный и авторитарный полюса суверенности, работа как производственная активность. Государство называется

«аппаратом захвата», искажающим любой тип политики, пытающийся выбраться из его диалектических сетей (Делёз, Гваттари 2010: 717–805). Введение двух новых концептов — линии ускользания и номадологии — помогает Делёзу и Гваттари расширить свой метод исследования пределов революционных процессов, в которых эти пределы преодолеваются. Во втором томе «Капитализма и шизофрении» есть один критически важный момент — бросить настоящий вызов капитализму можно только извне (Там же: 592–594). Топология этого движения очень важна. Она противопоставляется модели «внутреннего-внешнего», которая часто встречается у большинства марксистских политических теоретиков, рассматривают ли они экспансию власти рабочего класса внутри фабрики, взлет авангардной партии, сметающей буржуазное государство, рост производительных сил, упирающийся в капитализм как в свое ограничение, или более общие теории кризисов.

Модель революции Делёза и Гваттари основывается, таким образом, на силе Внешнего. Эта модель не связывается напрямую с отказом от работы, который предлагает Негри, или долгой историей борьбы рабочего класса Кливера. Определенная близость у них, конечно, есть, но различия между ними лежат в двух основных ритуальных: 1. часто повторяемый слоган «нет никакого внешнего» и 2. теория власти Мишеля Фуко, рассматривающая взятие власти и сопротивление в качестве имманентных терминов. Альтернативой обоим подходам будет забросить удочку во внешнее. Пока капитал имеет возможность колонизировать социальное пространство, его грубый математический расчет и завязанность на абстрактные юридические категории просеивают внешнее, населенное номадами, меньшинствами и их машинами войны. Аксиомы социальной демократии можно объяснить многим людям, или, наоборот, добавить к либертарианской практике изъятия аксиом для создания более широкого набора подходящих капитализму условий. Как в погодных условиях — всегда есть определенная точка, где максимальное количество серий расходятся так, что математике не под силу схватить это.⁹ Это — еще одна причина, почему Делёз и Гваттари считают полезнее идентифицировать общества не с точки зрения режима производства, а через способы избегания ими линии ускользания. Согласно философии движения Делёза и Гваттари, не просто существуют какие-то вещи, которые могут освободиться из любого данного общественного строя, но мы точно знаем, что всякий общественный строй растекается во всех направлениях как «расходы,

⁹ Эдвард Н. Лоренц в своей статье 1965 года «Исследование прогнозируемости атмосферной модели, имеющей 28 переменных» определил математический предел для прогнозирования погоды: это несколько недель.

если проделать дырку в бочке». Растекается он потому, что «всякая общественная система растекается во всех направлениях» (Там же: 335). Ее способы обработки энергии, населения, еды и городов будут только ухудшаться — реальность в цепях катастрофы глобального потепления, миллиарды живущих в трущобах, огромные склады еды, несмотря на избыточное производство и стремительно растущую арендную стоимость городских квартир (Там же: 795–796). Но после дестабилизации появляется возможность, как в еще одном слогане: капитализм — это кризис. Таким образом, вопрос Внешнего — это вопрос экстериторности. Капитализм, который колеблется между тем, что он — и причина, и решение кризиса, делает это колебание только на пределе своих возможностей — именно поэтому Маркс приписывает ему уникальное качество самокритичности. Во многих отношениях политика Внешнего может вскрывать государственную политику. Роль государства при капитализме схожа с трактовкой Карлом Шмиттом понятия катехона в его политической теологии — это фигура «сдерживателя», преграждающего хаос, чтобы не допустить революционной трансформации (Шмитт 2008: 33–39). В качестве сдерживателя он не допускает различий, которые могут привести к качественному преобразованию социальных форм. Покуда «суверенитет царит лишь над тем, что он способен интериорализировать, локально присвоить», он следует капиталистическому курсу ко Внешнему (Делёз, Гваттари 2010: 602). Задача государства при капитализме — не в предотвращении хаотического движения, а напротив — в создании условий, при которых потоки будут жестоко взрываться, пока оно рыскает неподалеку, кормясь новыми цепями производства. Оно провоцирует распад, который обеспечивает его способность направлять энергию, которую можно пустить в производственную активность. Другими словами, государство является «моделью реализации», которая актуализирует определенные виртуальные потенциалы детерриториализации, игнорируя остальные (Там же: 772). Государство начинает, таким образом, обслуживать капитал в качестве генератора различий, помогая ему располагаться на внешнем пределе хаоса, укрепляя тем самым все его операции. Таким образом, государство поддерживает производство, чтобы пользоваться им как средством сдерживания революционных событий.

Революционный прорыв связан с необходимостью свежего воздуха (Делёз, Гваттари 2007: 15, 526). Все начинается с осознания Внешнего как жизни вне капитализма. Такая жизнь, как правило, рождается из трагического события, потому как биополитическая власть дозирует наказания, удерживая за государством абстрактное правовое обеспечение, ограничивая средства жизни, предложенные капитализмом. И это всегда сопровождается ехидным предположе-

нием, что без капитализма ничто не выживет. Номадология Делёза и Гваттари — это в первую очередь хроника форм жизни, произрастающих в отсутствие государства и капитала. Открытые пространства пасторальных номадов, галопирующая машина войны степных номадов, блуждающие номады пустыни — все обращаются к жизни во Внешнем.

Революционный путь к Внешнему не означает конца политики. Вместе с тем, он отличается от изумительно непристойного «повторения Ленина» Славоем Жижекком (2007), где Ленин не берется в расчет как фигура дисциплины и организации. Жижека не интересует Ленин из «Государства и революции», он занят мотивами, которые стоят за вопросом «Что (и как) делать?» Жижек называет Ленина волюнтаристом, «в лучшем смысле» — в смысле «искусства вмешательства» (Žižek 2007: 83). Революция, согласно Жижеку, реализуется не в совершенных материальных условиях, заданных политической экономией, а в моменты, когда все как будто бы потеряно. Те, кто не могут схватить эти неожиданные моменты зовут рискованных, прощательных или упрямых волюнтаристов. Некоторые считают (даже без добавления крепкого децизионизма Шмитта или Алена Бадью), что именно в этой точке Жижек сходится с Делёзом и Гваттари. «Тысяча плато» была взята в качестве отправной точки фигурами политических движений, «подписавшихся под программой ризоматической логики Делёза и Гваттари (открытой, модифицируемой, горизонтальной, организованной спонтанно)» (Nunes 2015: 97). Роза Брайдотти разрабатывает еще более ориентированную на действие политику, выцепляя из чтения Спинозы Делёзом аффирмативную политику удовольствия, сущностно необходимую для «возвращения активного в активизм» (Braidotti 2009: 42).

Но что если политика Делёза и Гваттари — это нечто обратное, с анти-децизионистскими основаниями? Как верно указал Франсуа Зурабишвили, Делёз — радикальный инволюнтарист (Zourabichvili 2012: 85–88). С мыслью не обращаются как с активистским инструментом, который придает субъекту самообладание, укрепляет волю и соединяет всех в действии. То, что зовется мышлением, есть разочарование от бессилия, эффект насилия, связанный с лишением нас способности говорить «Я» (Делёз, Гваттари 2009: 65). Кроме того, мышление является результатом усталости от того, что мы сами отдали себя «в плен относительно горизонту» (Там же: 59), управляемому образу мысли, окружившим будущее (Там же). Ницше видел это: клиницисту культуры не хватает власти водрузить флаг, чтобы другие сплотились вокруг него. Остается только его способность разрушать позитивное — оставлять нас с будущим, у которого максимально открытый конец, где будущее уже не напоемывает настоящее. Возвращаясь к Марксу и вопросам рабочего класса, можно заклю-

чить, что задачей является не снабжение пролетариата средствами признания себя силой, способной стать политическим органом. Задача в поддержке рабочих, которые отказываются принимать условия своего существования и становятся классом собственного упразднения. Эту позицию можно выразить марксистским слоганом: «Самоупразднение вместо самоутверждения!»

Главная тонкость — в том, что революция происходит скорее во времени, чем в пространстве. Я имею в виду, что революция является событием, а не местом или отношением. Моя недавняя книга «Темный Делёз» (Culp 2016) исследует политику Внешнего. Внешнее в ней понимается в духе «великого отказа» Бланшо и согласуется с делёзианским подходом к постановке проблем. Коротко говоря, я считаю, что когда мы осознаем нечто невыносимое относительно мира, и, вместе с этим наше действие парализовано — в этот момент мы шокированы извне ужасающим пониманием того, о чем мы еще не думали. И именно в этот момент катаклизма мы наконец можем думать и действовать иначе. Только тогда мы остаемся радикально открыты будущему. Три синтеза времени Делёза предполагают, что будущее радикально тогда, когда оно является растворителем и прошлого, и настоящего. Чтобы сохранить это открытое будущее, необходимо избегать соблазнов солюционизма, отравленного желанием поглотить соперника, став таким же, как и он, только лучше. Советский Союз поддался этому соблазну в попытке превзойти по производительности капиталистический мир — и это была ошибка, которая неизбежна в случае принятия «абстрактных общих решений». Это случается когда мы «забываем о проблемах» (Делёз 1998: 203). Перед нами — путь к революции нового типа. Это революционное событие «изгоняет» капиталистические силы и отношения антипроизводства (Aarons 2012: 11–12). Роль боевой мысли в этом событии — не в создании правильных моделей прогнозирования, следовании по дуге истории или собирании воли в кулак. Это и не формирование правильного образа будущего, и даже не направление творческих действий. Это, скорее, идентификация и разоблачение сил предохранения, этих недопустимых агентов нашего непрекращающегося настоящего. Такое будущее уже было написано на стене в Мае 68-го: *L'économie est blessée, qu'elle crève.*

Перев. с англ. Никиты Сафонова

Библиография

- Альтюссер, Луи (2006). *За Маркса*. М.: Практис.
- Делёз, Жиль (1998). *Различие и повторение*. СПб: Петрополис.
- Делёз, Жиль (2011). *Фрэнсис Бэкон: Логика ощущения*. СПб: Machina.
- Делёз, Жиль, Гваттари, Феликс (2007). *Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория.
- Делёз, Жиль, Гваттари, Феликс (2010). *Тысяча плато: Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель.
- Делёз, Жиль, Гваттари, Феликс (2009). *Что такое философия?* М.: Академический Проект.
- Каутский, Карл (2012). *Три кризиса марксизма: Классовые интересы. Классовая борьба*. Этика. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Маркс, Карл (2001a). *Капитал. Критика политической экономии. Том первый* [1867]. М.: АСТ.
- Маркс, Карл (2001b). «Предисловие к первому изданию» [1867]. В кн.: *Капитал. Критика политической экономии. Том первый*. М.: АСТ.
- Маркс, Карл (2001c). «Предисловие к французскому изданию» [1872]. В кн.: *Капитал. Критика политической экономии. Том первый*, 56. М.: АСТ.
- Маркс, Карл (2001d). «Послесловие ко второму изданию» [1873]. В кн.: *Капитал. Критика политической экономии. Том первый*. М.: АСТ.
- Маркс, Карл (1955). «Тезисы о Фейербахе» [1845]. В кн.: Маркс, Карл и Энгельс, Фридрих, *Сочинения*. в 50 тт., т.3. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Маркс, Карл, Энгельс, Фридрих (1955). «Немецкая идеология» [1845]. В кн.: Маркс, Карл, Энгельс, Фридрих, *Сочинения*, в 50 тт., т.3. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Маркс, Карл, Энгельс, Фридрих (1955). «Манифест коммунистической партии» [1848]. В кн.: Маркс, Карл, Энгельс, Фридрих, *Сочинения*, в 50 тт., т.4. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Смит, Адам (2007). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо.
- Фрейд, Зигмунд (2011). *Психология масс и анализ человеческого «Я»*. М.: Академический Проект.
- Шмитт, Карл (2008). *Номос земли в праве народов Jus Publican Europaeum*. СПб: Владимир Даль.
- Энгельс, Фридрих (1986). «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В кн.: Маркс, Карл, Энгельс, Фридрих, *Избранные произведения*, в 3-х тт., т. 3. М.: Политиздат.
- Aarons, Kieran (2012). "The Involuntarist Image of Thought." In *Deleuze: A Philosophy of the Event Together With The Vocabulary of Deleuze*, by Francois Zourabichvili, Greg Lambert and Kieran Aarons, 1–18. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Bernstein, Eduard (1909). *Evolutionary Socialism*. Trans. Edith Harvey. New York: B.W. Hubsch.

- Braidotti, Rosi (2009). "On Putting the Active Back into Activism." *New Formations* 68: 42–57.
- Cleaver, Harry (2000). *Reading Capital Politically*. Edinburgh: AK Press.
- Culp, Andrew (2016). *Dark Deleuze*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Cvetkovich, Ann (1992). *Mixed Feelings: Feminism, Mass Culture, and Victorian Sensationalism*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
- DeLanda, Manuel (1997). *A Thousand Years of Nonlinear History*. New York: Zone Books.
- DeLanda, Manuel (1998). "Markets and Antimarkets in the World Economy." *Alamut*. http://www.alamut.com/subj/economics/de_landa/antiMarkets.html.
- Deleuze, Gilles (2004). "Five Propositions on Psychoanalysis." In *Desert Islands and Other Texts: 1953–1974*, 274–80. Los Angeles: Semiotext(e).
- Deleuze, Gilles, and Antonio Negri (1995). "Control and Becoming." In *Negotiations: 1972–1990*, trans. Martin Joughin, 169–76. New York: Columbia University Press.
- Deleuze, Gilles and Claire Parnet (2007). *Dialogues II*. Trans. Hugh Tomlinson and Barbara Habberjam. New York: Columbia University Press.
- Derrida, Jacques, and François Ewald (1995). "A Certain 'Madness' Must Watch Over Thinking." *Educational Theory* 45:3: 273–91.
- Federici, Silvia (2004). *Caliban and the Witch*. Brooklyn, NY: Autonomedia.
- Fortunati, Leopoldina (1996). *Arcane of Reproduction: Housework, Prostitution, Labor and Capital*. Trans. Hilary Creek. Brooklyn, NY: Autonomedia.
- Gibson-Graham, J.K. (1996). *The End of Capitalism (As We Knew It): A Feminist Critique of Political Economy*. Oxford: Blackwell Publishers.
- Gibson-Graham, J.K. (2006). *A Postcapitalist Politics*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Guattari, Félix (2009). "The Best Capitalist Drug." In *Chaosophy: Texts and Interviews 1972–1977*, ed. Sylvère Lotringer, trans. David L. Sweet, Jarred Becker, and Taylor Adkins, 141–53. Los Angeles: Semiotext(e).
- Jameson, Fredric (1984). "Periodizing the 60s." *Social Text* 9/10: 178–209.
- Harvey, David (2015). *Seventeen Contradictions and the End of Capitalism*. London: Profile Books.
- Holland, Eugene W. (1999). *Deleuze and Guattari's Anti-Oedipus: Introduction to Schizoanalysis*. New York: Routledge.
- Kornbluh, Anna (2010). "On Marx's Victorian Novel." *Mediations* 25:1: 15–37.
- Lacan, Jacques (1987). "Impromptu at Vincennes." Trans. Jeffrey Mehlman. *October* 40: 116–27.
- Lapoujade, David (2017). *Aberrant Movements: The Philosophy of Gilles Deleuze*. Trans. Joshua David Jordan. Los Angeles: Semiotext(e).
- Lorenz, Edward N. (1965). "A Study of the Predictability of a 28–variable Atmospheric Model." *Tellus* 17: 321–33.
- Minsky, Hyman (1991). "The Transition to a Market Economy: Financial Options," *Jerome Levy Economics Institute Working Paper No 66*.
- Negri, Antonio (1991). *Marx Beyond Marx: Lessons on the Grundrisse*. Trans. Harry Cleaver, Michael Ryan, and Maurizio Viano, ed. Jim Fleming. Brooklyn, NY: Autonomedia.

- Nietzsche, Friedrich (1979). "Philosopher as Cultural Physician." In *Philosophy and Truth: Selections from Nietzsche's Notebooks of the Early 1870s*, ed. and trans. Daniel Breazeale, 67–76. Atlantic Highlands, NJ: Humanity Books.
- Nunes, Rodrigo (2015). "Pack of Leaders: Thinking Organization and Spontaneity with Deleuze and Guattari." In *Occupy: A People Yet to Come*, ed. Andrew Conio, 97–124. London: Open Humanities Press.
- Pykett, Lyn (2011). *The Nineteenth-Century Sensation Novel*. Tavistock, Devon: Northcote and the British Council.
- Žižek, Slavoj (2007). "A Leninist Gesture Today: Against the Populist Temptation." In *Lenin Reloaded: Toward a Politics of Truth*, ed. Sebastian Budgeon, Stathis Kouvelakis, Slavoj Žižek, 74–98. Durham, NC: Duke University Press.
- Zourabichvili, François (2012). *Deleuze: A Philosophy of the Event Together With The Vocabulary of Deleuze*. Trans. Kieran Aarons, eds. Daniel W. Smith and Gregg Lambert, 1–18. Edinburgh: Edinburgh University Press.